

Т.П. Акимова

Волгоградский государственный
педагогический университет

ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ФОРМУЛ ПРИВЕТСТВИЯ И ПРОЩАНИЯ В БЫТОВЫХ ПИСЬМАХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX–XX ВВ.

*Русская словесность как сокровищница
духовных традиций русского народа*

Эпистолярный текст, как известно, состоит из зачина, основной (содержательной) части и концовки. Зачин и концовка образуют этикетную рамку письма, языковыми средствами выражения которой являются этикетные эпистолярные формулы (основные — приветствия и прощания).

Отбор эпистолярных формул, производимый автором эпистолярного текста, обусловлен прежде всего характером письма. На основе данного критерия традиционно выделяются деловые и официальные письма, этикетные (поздравления, приглашения, соболезнования и т. п.), рекомендательные, бытовые, или обиходные письма (к родным и дружеские), интимные (письма-дневники, письма-исповеди), литературные (в том числе и открытки), эпистолярная литература [Балакай, 2002: 7]. Кроме того, выбор формул обусловлен особенностями эпистолярного идиостиля автора письма, а также его интенциями.

Бытовое письмо представляет собой письменную фиксацию устного диалога, участники которого, будучи разделены во времени и пространстве, руководствуются принципом «пишу, как беседую». Поэтому употребление эпистолярных формул здесь менее жестко регламентировано по сравнению с другими видами письма. И тем не менее анализ использования клишированных выражений в эпистолярном наследии классиков русской литературы XIX–XX вв. (А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького, М.А. Шолохова, В.П. Астафьева) позволяет выявить закономерности употребления клишированных выражений, характерные как для эпистолярного одного автора, так и для эпистолярного дискурса в целом.

Приветствие в дружеских письмах обычно оформляется в виде обращения, которое обычно состоит из имени адресата, которое может сопровождаться прилагательными *дорогой, милый* и нек. др. и существительными, указывающими на родственные или дружеские отношения пишущего с адресатом: Милый Бестужев [Пушкин, т. 1: 159]; *Милый, милый, тысячу раз дорогой друг мой Машенька* [Толстой, т. 18: 605]; *Дорогой брат Миша!* [Чехов, т. 11: 10]; *Дружище Вы мой хороший!* [Горький, т. 28: 48]; *Дорогой Островский!* [Шолохов: 258]; *Дорогой Валентин!* [Астафьев: 219].

В письмах к близким родственникам, датированных XIX в., автор может использовать вместо стандартного определения окказиональный его аналог, связанный обычно с определенными событиями в жизни адресата: *Благодарзумыный Левинька!* [Пушкин, т. 1: 139]; *Доброка-*

чественный брат мой, Александр Павлович! [Чехов, т. 11: 13]; *Карантинно-таможенный Саша!* [Чехов, т. 11: 71].

В письмах к членам семьи (чаще — к женам) обращения могут сопровождаться с этикетными словами со значением приветствия: *Здравствуй, женка, мой ангел* [Пушкин, т. 2: 658]; *Здравствуй, милая моя Олюша, как поживаешь?* [Чехов, т. 12: 481]; *Моя славная и родная, здравствуй!* [Шолохов: 29]; *Маня и ребята, здравствуйте!* [Астафьев: 49]. В письмах В.П. Астафьева этикетные слова со значением приветствия часто предшествуют обращению и в письмах к друзьям: *Привет, Володя!* [Астафьев: 19]; *Здравствуй, Иван!* [Астафьев: 27].

В целом в бытовых письмах авторов XIX — начала XX в. инициальные обращения нередко отсутствуют (особенно четко данная тенденция прослеживается в письмах Л.Н. Толстого), этикетные слова приветствия отмечены только в письмах к членам семьи; дружеские письма М.А. Шолохова всегда начинаются обращением, а в письмах к жене обращение сопровождается этикетными словами приветствия; в письмах В.П. Астафьева практически всегда присутствуют начальные обращения, в большинстве случаев сопровождаемые словами приветствия.

В функции приветствия в письмах XIX — начала XX в. может выступать высказывание с интенцией поздравления: *Поздравляю тебя со днем твоего ангела, мой ангел, целую тебя заочно в очи* [Пушкин, т. 3: 140]; *С праздником, милый друг Миша!* [Толстой, т. 18: 400]; *Христос воскрес, милейший Николай Александрович!* [Чехов, т. 11: 128]; *С Новым годом!* [Горький, т. 28: 52]. Подобные высказывания отмечены в нашем материале и финале письма, однако они не берут на себя функции, характерные для эпистолярных формул прощания.

Прощание в бытовых письмах, как правило, включает в себя несколько эпистолярных формул, некоторые из которых дублируют друг друга. В частности, используются следующие эпистолярные формулы: а) этикетные слова, употребляемые при завершении общения: *прощай, до свидания* и нек. др.; б) перформативы, т. е. слова, обозначающие действия, производимые в момент речи (в данном случае — при прощании): *жму руку, целую, обнимаю, кланяюсь* и т.п.; в) высказывания с интенцией пожелания, из которых наиболее частотным является пожелание здоровья: *будь(те) здоров(ы)* и нек. др.

Отбор эпистолярных формул обусловлен несколькими факторами: нормами речевого этикета, принятыми в ту или иную эпоху; индивидуальными предпочтениями автора письма; отношениями пишущего с адресатом. Рассмотрим конкретные примеры использования формул прощания в неофициальных письмах.

Так, в финале писем А.С. Пушкина к друзьям могут быть использованы единичные формулы: *прощай*, обычно с обращением: *Прощай, душа моя!* <> *Прощай еще раз* [Пушкин, т. 1: 140]; *Прощай, моя радость* [Пушкин, т. 1: 144]; *Прощай, поэт* [Пушкин, т. 1: 343]; *обнимаю: Обнимаю тебя* [Пушкин, т. 1: 191]; *Обнимаю тебя, моя радость, обнимаю и крошку Всеволодчика* [Пушкин, т. 1: 293]. Формулы прощания могут использоваться и одновременно в одном письме: *Прощай, Эсхил, обнимаю тебя, как поэта и друга...* [Пушкин, т. 1: 106].

В письмах Л.Н. Толстого к друзьям и родственникам наиболее частотной формулой прощания также является *прощай*, используемая как отдельно, так и в сочетании с другими эпистолярными формулами, обозначающими прощание: *Прощай, душа моя, пиши мне, целуй Валерьяна и детей.* <> *Еще раз прощай, милый друг* [Толстой, т. 18: 399]; *Затем прощайте, очень кланяйтесь всем вашим* [Толстой, т. 18: 509]. *Прощайте, голубчик, милейшая барышня, жму вашу милую руку, Христос с вами* [Толстой, т. 18: 440]; *Затем прощайте, от души жму вам руку и желаю всего лучшего* [Толстой, т. 18: 507].

Данные формулы отмечены в письмах Л.Н. Толстого и без слова *прощай*: *От души целую ваши и бабушки Лизы руки, славному Ребиндери желаю успеху, твердости духа и дружески жму руку.* [Толстой, т. 18: 487]; *Тетеньке целую ручки* [Толстой, т. 18: 426].

Напротив, в письмах А.П. Чехова к близким слово *прощай* практически всегда используется в сочетании с другими эпистолярными формулами прощания: *Прощай, желаю тебе всего лучшего. Поклон Лизе и Грише и твоим товарищам* [Чехов, т. 11: 7]; *Прощай... Жму тебе руку и желаю тебе кутно с твоей семьей всех благ* [Чехов, т. 11: 50]. Однако в письмах А.П. Чехова, относящихся к рубежу XIX и XX вв., данная формула сменяется формулой *будь здоров и благополучен / богом храним / весел*, и тем самым может быть охарактеризована как составляющая эпистолярного идиостилия писателя (отметим, однако, что формула *будь здоров и весел* активно использовалась на рубеже веков в письмах Владимирского купечества (см.: [Фалина 2008: 264]): *Будь здоров и богом храним* [Чехов, т. 12: 153]; *Будь здоров и весел* [Чехов, т. 12: 205]. *Данная формула также может использоваться в сочетании с другими, традиционными: Будь здоров и благополучен. Жму руку* [Чехов, т. 12: 152]; *А пока будь здоров и благополучен... Обнимаю тебя и крепко жму руку. Передай поклон Екатерине Николаевне* [Чехов, т. 12: 499].

В дружеских письмах М. Горького наиболее частотной является эпистолярная формула *жму руку*, которая обычно используется в сочетании с формулами пожелания и может распространяться: *Крепко жму Вам руку, здоровья Вам! здоровья и бодрости духа и желания работать больше* [Горький, т. 28: 57]; *Желаю же Вам здоровья, бодрости духа, веры в себя, и — да здравствует жизнь!.. Крепко жму руку Вашу, талантливую Вашу руку* [Горький, т. 28: 54].

В неофициальных письмах М.А. Шолохова используются разнообразные формулы прощания, как одиночные, так и составные: *Ну, будь здоров, дорогой!* [Шолохов: 137]; *Обнимаю всех вас!* [Шолохов: 146]; *С приветом* [Шолохов: 50]; *Крепко жму руку.* <...> *Привет Игорю, Маргарите, дедушке, ежели он в Москве. Желаю Вам всего, всего хорошего* [Шолохов: 89]; *Обнимаю всех вас, крепчайшие жму руки.* <...> *Желаю Вам в течение ближайших пятилеток ни в коем разе не болеть. Лучшие уж я за Вас поболею. Ну, будьте здоровы...* [Шолохов: 93]; *Ото всех наших привет. Я почтительно кланяюсь Игорю Константиновичу и его жене, Вале — привет. Вам крепко жму руку.* [Шолохов: 154].

Разнообразие формул прощания характерно и для эпистолярия В.П. Астафьева: *Обнимаю* [Астафьев: 102]; *С приветом* [Астафьев: 15]; *Привет семье* [Астафьев: 124]; *Ну, будь здоров. Жму руку* [Астафьев: 10]; *Ну, будь здоров. Обнимаю тебя* [Астафьев: 27]; *Ну, будь здоров. Привет семье. Обнимаю* [Астафьев: 43].

Как видим, наиболее употребительная формула прощания в XIX в. — *прощай* — в XX в. сменяется формулами *будь здоров* и *жму руку*. В дружеских письмах М. Горького и В.П. Астафьева находим примеры трансформации второй формулы: *Жму*

лапку [Горький, т. 28: 48]; *До свидания! Жму Вам лапу, да поможет Вам море и воздух, и пусть не трогает Вас исправник* [Горький, т. 28: 36]; *Жму лапу* [Астафьев: 31]; *Жму крепко ваши лапы* [Астафьев: 19]; *Жму крепко лапу* [Астафьев: 39]; *Жму Вашу трудовую* [Астафьев: 86]. Употребление слова лапа вместо слова рука, а также незамещенная позиция существительного в последнем примере призваны придать формуле и в целом прощанию иронический оттенок, а также сделать письмо более непринужденным.

Среди эпистолярных формул прощания в семейных письмах, т. е. в письмах к жене и детям, наиболее частотным является слово *целую*. Нередко эта формула используется как единственная при прощании: *Целую тебя, женка, мой ангел* [Пушкин, т. 2: 659]; *Целую тебя, душенька, и детей; будь спокойна и не волнуйся. Андрюшу особенно целую* [Толстой, т. 18: 828]; *Итак, я тебя целую* [Чехов, т. 12: 441]; *Ну, целую, целую всех, тебя и Светика в особенности* [Шолохов: 71]; *Целую вас* [Астафьев: 62].

Слово *целую* может быть использовано и в сочетании с другими формулами прощания: *Кланяюсь и целую ручку с ермоловской нежностью Екатерине Ивановне. Тебя целую крепко и всех вас благословляю: тебя, Машку и Сашку. Кланяюсь Вяземскому* [Пушкин, т. 3: 134]; *Прощай, душенька, целую тебя и детей.* [Толстой, т. 18: 668]; *Ну, дуся, славная моя актрисочка, до свиданья! Целую тебя крепко.* [Чехов, т. 12, с. 449]; *До свидания! Целую* [Горький, т. 28: 283]; *Целую мою милую дочурку крепко-раскрепко! Тебя целую еще крепче! Ну, до свиданья, милая!* [Шолохов: 32].

В целом можно отметить тенденцию, уже отмеченную при анализе формул прощания в письмах к друзьям и родным, а именно смену ведущей формулы *прощай* на формулу *будь(те) здоров(а,ы)*. Ср.: в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого: *Прощай, душа.* <> *Целую и благословляю всех вас. Кланяюсь и от сердца благодарю тетку Екатерину Ивановну за ее милые хлопоты. Прощай* [Пушкин, т. 3: 176]; *Прощай, душенька, до свиданья* [Толстой, т. 18: 677] — в письмах А.П. Чехова, М. Горького, М.А. Шолохова: *Будь здорова, немочка моя добрая, славная, тихая моя.* <> *Обнимаю и горячо целую, будь здорова и весела* [Чехов, т. 12: 463]; *Жду писем твоих и крепко жму руку. От всей души желаю тебе, друг мой, здоровья, хорошего настроения. До свидания* [Горький, т. 28: 319]; *Будьте здоровы, мои дорогие! Крепко вас обоих целую, желаю бодрости, не скучайте!* [Шолохов: 80].

Письма, в которых автор выражает негативное отношение к поведению адресата, составляют весьма небольшой процент от всего числа писем к друзьям и родственникам. Однако можно выявить некоторые закономерности в употреблении эпистолярных формул приветствия и прощания в письмах с интенцией упрека. В частности, в сердитых письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого формулы приветствия и прощания отсутствуют (исключение составляет обращение, которое, однако, подчеркивает раздражение автора: *Безалаберный* [Пушкин, т. 1: 75]). Одно из сердитых писем М. Горького также иллюстрирует данную закономерность (далее приводится цитата начала и конца письма): *Положим, что я — «многоуважаемый», а Вы, надо думать, — неумный.* <> *Неужели, черт, в этом Вашем дурацком Петербурге так-таки уж и некому заменить Вас? Подумайте!* [Горький, т. 28: 42–43]. Однако в другом письме М. Горького, ре-

ализующем негативное отношение автора к адресату, использованы формулы приветствия и прощания: *Уважаемый Владимир Феофилович! <> Всего доброго!* [Горький, т. 28: 130]. Обращает на себя внимание стандартизованность формул приветствия и прощания и одиночное употребление формулы прощания. Данная закономерность четко прослеживается в письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева: *Дорогой тов. Рахило! <> С приветом* [Шолохов: 493]; *Дорогой Иван! <> Будь здоров* [Астафьев: 57], *Дорогой Артур <> Будь здоров!* [Астафьев: 180].

Таким образом, анализ употребления формул приветствия и прощания в бытовых письмах классиков русской литературы XIX–XX вв. позволяет сделать следующие выводы: 1) использование/отсутствие тех или иных формул обусловлено, в первую очередь, характером взаимоотношений пишущего с адресатом, а именно степенью близости отношений и эмоциями, который говорящий испытывает к адресату; 2) в финале письма обычно употребляется не одна, а несколько формул прощания, дублирующих или дополняющих друг друга; 3) возможна трансформация формул, которую можно рассматривать как черту эпистолярного идиостиля автора; 4) на рубеже веков происходит изменение закономерностей употребления рассматриваемых формул: их использование становится обязательным даже в письмах с интенцией упрека, а ведущая формула прощания *прощай* заменяется формулой *будь(те) здоров(а, ы)*.

Литература

Балакай А.Г. Эпистолярная фразеология русского речевого этикета // Русский речевой этикет и принци-

пы его лексикографического описания / А.Г. Балакай. Новокузнецк, 2002.

Фалина В.А. Новые тенденции оформления концовки неофициального письма середины XIX – начала XX века // Вестн. гуманит. фак. Иван. гос. хим.-технол. ун-та. 2008. Вып. 3. С. 262–266.

Источники:

Астафьев В.П. Нет мне ответа: Эпистолярный дневник. 1952–2001 гг. / сост., предисл. Г. Сапронова. 2-е изд., доп. Иркут.: Издатель Сапронов, 2009.

Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 28: Письма, телеграммы, надписи. 1889–1906 гг. М.: Худож. лит., 1954.

Пушкин А.С. Письма: в 3 т. Т. I: 1815–1826 гг. М.: Захаров, 2006.

Пушкин А.С. Письма: в 3 т. Т. II: 1827–1831 гг. М.: Захаров, 2006.

Пушкин А.С. Письма: в 3 т. Т. III: 1832–1837 гг. М.: Захаров, 2006.

Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. в 20 кн. Т. XVIII: Письма. 1842–1881 гг. М.: Худож. лит., 1984. С. 305–912.

Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 11. Письма 1877–1892 гг. М.: Гослитиздат, 1956.

Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. Письма 1893–1904 гг. М.: Гослитиздат, 1957.

Шолохов М.А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10: Письма. 1924–1984 гг. М.: Сов. писатель, 2005.